

Глава 13

Чэн Янь вынес Чу Вана на руках, а когда вернулся, на его лице всё еще играла легкая улыбка.

Государь, глядя на него, ощутил необъяснимую неприязнь и желчно хмыкнул:

— Не думал, что ты так ловко умеешь втираться в доверие к моему брату.

Лекарь лишь усмехнулся, оставив это замечание без ответа.

Император прибыл инкогнито вовсе не ради праздных бесед о Чу Ване, поэтому он сразу перешел к делу:

— Чэн Янь, то бессмертное снадобье, что ты поднес вчера... кхм, эффект весьма недурен.

— Всего лишь «недурен»? — вкрадчиво уточнил лекарь.

Монарх замялся. Он раздраженно взмахнул рукавом, но уйти не решился. Сделав недовольное лицо, он нехотя признал:

— Оно на несколько порядков превосходит дары из храма Ляодэ.

Чэн Янь не стал припираться, заставляя его величество во всеуслышание расхваливать афродизиак. Он лишь с достоинством произнес:

— Я же говорил: земным средствам не сравниться с небесным эликсиром.

Император не собирался выслушивать бахвальство и тем более вступать в ученые споры о божественной природе пилюль. Его снедало нетерпение:

— Сколько их у тебя осталось?

Чэн Янь поджал губы и молча уставился на правителя. От этого пристального взгляда монарху стало не по себе. Он нахмурился:

— Что за молчание? Ты решил со мной поиграть?

— Во все нет, — собеседник качнул головой. — Я лишь раздумывал, сколь много этого снадобья ваше величество в силах принять.

— Что ты хочешь этим сказать? — император изменился в лице.

Лекарь ответил беспристрастно:

— Вчера вы не верили ни единому моему слову. Интересно, насколько окрепла ваша вера теперь?

— Ты ведь не собираешься снова убеждать меня, будто ты и впрямь небожитель?

— Я — нет, — отрезал Чэн Янь. — Но снадобье истинно бессмертно.

— И что с того?

Мужчина открыто встретил взор государя:

— Лишь Сын Неба вправе вкушать его. Однако в истории Поднебесной правителей было не счесть, и все они носили этот титул. Но одним оно дарует силу, другие же, приняв его, лишь сокращают свой век. Всё зависит от того, достоин ли человек этой милости.

Лицо императора то бледнело, то краснело. Он смутно догадывался, к чему клонит Чэн Янь.

Тот продолжал:

— Государь, о заслугах и провинностях человека судят лишь после его смерти. Но Сын Неба каждым своим шагом, каждым решением определяет судьбы миллионов. О том, праведен ли путь правителя, можно узнать, лишь взглянув на народ: процветает ли он или прозябает в нужде.

— Ты смеешь утверждать, что я виновен перед народом?! — в гневе воскликнул император.

— Ни в коем случае, — лекарь оставался невозмутим.

Гнев правителя не пугал его. Он сохранял привычное спокойствие, словно вел беседу о погоде.

— Ваше величество, несомненно, мудрый правитель. Но... что вы думаете о Третьем принце?

Брови императора, и без того сдвинутые к переносице, дрогнули. При упоминании сына его суровое выражение лица слегка смягчилось.

— Старый Третий порой ведет себя строптиво, — заговорил он, — но у него на всё есть свое

мнение. К тому же он весьма почтителен к отцу.

По законам династии Чжоу наследником должен был стать старший сын, но вся Поднебесная знала: император благоволит Третьему принцу. В отличие от прямодушного и скромного наследника, тот был амбициозен и мастерски умел ублажать родителя. Была и другая причина: нынешний Сын Неба сам когда-то захватил трон в кровавой борьбе, будучи именно третьим по старшинству, и подсознательно видел в сыне самого себя.

Чэн Янь задал встречный вопрос:

— Так ли уж он почтителен на самом деле?

— Чэн Янь! Не смей судить о том, чего не знаешь!

— Ваше величество еще в расцвете сил, — лекарь словно не слышал предупреждения, — но кое-кто уже зарится на ваш трон. Этот человек одурманил вас сладкими речами, пока втайне собирал сторонников. Когда придет время, даже вы станете для него лишь досадной помехой на пути к власти.

— Замолчи! — император резко оборвал его. Дыхание государя стало тяжелым и хриплым.

В памяти правителя всплыли картины их собственной борьбы за власть. Чу Ван был всего лишь младенцем, когда из-за своего происхождения его отравили, превратив в дурачка — только бы устранить потенциального соперника. До того как нынешний монарх взошел на престол, другие принцы гибли один за другим при самых странных обстоятельствах. И только он один знал правду о том, как медленно угасал прежний император от капель яда, которые он подливал ему день за днем.

Он сам был беспощаден, но стоило ему представить, что так могут поступить с ним, как в душе вскипели ярость и леденящий ужас. То, что он совершил когда-то сам, теперь могли повторить его собственные дети.

— Нет... не может быть... Третий не таков...

— Ваше величество считает наследника слишком честным и приверженным правилам, — негромко заметил Чэн Янь. — Но разве в нынешних обстоятельствах это не благословение?

Император замер. В его глазах отразилось смятение.

— Это наследник подослал тебя к Чу Вану? — вдруг спросил он. — Это его план — подобраться ко мне таким путем?

Подозрительный монарх не мог в один миг переменить свое мнение. Чэн Янь не торопился.

— Третий принц своенравен. О его жестокости ходят легенды среди дворцовых слуг, и трудно представить, что в сердце его найдется место для жалости к простому народу. Если династия Чжоу окажется в его руках, всё процветание, которого вы достигли, обратится в прах.

Этот император пришел к власти через кровь и имел слабость к красавицам, но он не был плохим правителем. Он умел держать узду власти и вел по отношению к подданным политику милосердия. По крайней мере, в годы его правления люди не знали ужасов голода. Он верил, что трон должен занимать сильнейший, и не считал свою жестокость в прошлом ошибкой — ведь и его братья не брезговали гнусными методами.

Словом, он не был глупцом. Лишь безмерная любовь к сыну застилала ему глаза. Окружающие либо льстили ему, либо давали сухие советы, но стоило кому-то заикнуться о проступках Третьего принца, государь тут же решал, что это козни сторонников наследника.

Никто и никогда не говорил с ним так прямо, как Чэн Янь. Никто не смел сказать ему в лицо: «То царство, которое ты с таким трудом захватил и взлелеял, будет разрушено твоим же сыном».

Заметив, как меняется выражение лица государя, лекарь подлил масла в огонь:

— Вы — Сын Неба. История рассудит ваш путь. И как горько будет, если люди скажут: «Он создал великую эпоху, но сам же назначил преемника, который её погубил».

Император окончательно помрачнел. Он дорожил своей славой, даже той, что останется после его ухода.

Чэн Яню не нужно было приводить примеры — государь и сам видел разницу в том, как наследник и Третий принц справлялись с поручениями.

— Твои слова звучат складно, Чэн Янь, — глухо произнес он. — Но всё это лишь твои домыслы.

Чэн Янь лишь вздохнул с легкой улыбкой.

Это были не домыслы. Это была истина, которую он видел в будущем: переворот Третьего принца после низложения наследника, кровавое восхождение на трон и последующий хаос. Великие наводнения на побережье, голод на западе, набеги пиратов... Новый император, съедаемый подозрительностью, приближал лишь лстецов, не в силах справиться с бедствиями. Непосильные налоги заставили народ по всей стране взяться за оружие. В итоге — раскол империи и гибель малого мира, не выдержавшего такого груза страданий.

Чэн Янь прибыл сюда с единственной целью: не дать этой катастрофе свершиться.

Уже несколько миссий подряд он осознавал: спасение «пушечного мяса» и изменение их трагических судеб — вовсе не главный источник его силы. На самом деле, как Система, он существовал для поддержания стабильности.

Многие из этих измерений рождались на основе историй с простым устройством, и любое серьезное потрясение могло привести к их полному уничтожению. И носителем такой разрушительной силы часто становился «главный герой», наделенный непомерной удачей. В этом мире таким героем был Третий принц.

Его своенравие оберегалось самой судьбой, но что случится, когда этот запас удачи иссякнет? Для измерения это обернется неминуемой гибелью. Для Изначального источника стабильно существующий мир давал куда больше энергии, чем тот, что рушился в агонии.

Помогая своим подопечным и попутно спасая миры, Чэн Янь пришел к этой истине, глядя на приток хуньли. Конечно, он не мог бросить задачу по спасению «пушечного мяса» — если его подопечный погибнет напрасно, он сам будет исторгнут из мира в крайне ослабленном состоянии.

— Государь, если бы вам сказали, что цзюньван замышляет захватить трон, вы бы поверили?

Император замер, не зная, что ответить.

— Вы бы не поверили, — продолжал Чэн Янь. — Вы знаете, что цзюньван разумом подобен дитя и безгранично доверяет вам. Но если бы кто-то подстроил всё так, будто это правда, вы бы выбрали поверить, не так ли?

Император промолчал, не желая признавать, что собеседник прав.

Для него не существовало понятий братской любви. Если бы Чу Ван не был так мал и не лишился рассудка, он бы не дожид до сегодняшнего дня.

Чэн Янь вздохнул:

— Подумайте сами, государь. Если кто-то решит оговорить цзюньвана, он наверняка выдумает историю о подстрекательстве со стороны родни по материнской линии. Но неужели им нужна лишь смерть маленького князя?

Мать Чу Вана и мать нынешнего наследника происходили из одного клана. Стало очевидно, против кого на самом деле направлен этот удар.

— К чему ты это клонишь?

Чэн Янь в упор посмотрел на правителя:

— Государь, кто-то уже начал действовать.

С этими словами лекарь внезапно подобрал полы халата и опустился на одно колено.

— Поверите вы мне или нет, но всё, что я делаю, я делаю во имя вашего величества и блага Поднебесной. И еще — ради одного лишь цзюньвана. Ни десять лет назад, ни сейчас он не помышлял о власти. Тогда он был невинной жертвой яда, и истинный виновник до сих пор не найден. Теперь же я не желаю видеть, как на него снова возводят напраслину, втягивая в чужую борьбу.

Император долго и пристально разглядывал Чэн Яня. Тот не отвел взгляда. В конце концов монарх сдался и тяжело вздохнул:

— Я не стану поднимать руку на своего брата.

У Чэн Яня словно камень с души свалился. Сыну Неба не чуждо было понятие чести. Раз лекарь выложил карты на стол и прямо заявил о готовящемся навете, использовать этот прием против Чу Вана теперь было бессмысленно.

Поблагодарив императора, Чэн Янь добавил:

— Ваше величество может использовать эту ситуацию. Так вы увидите, кто на самом деле жаждет занять ваше место.

— И как же мне это сделать?

— Вам нужно лишь покинуть поместье цзюньвана с видом величайшего гнева. Те, кто расставил здесь свои сети, решат, что их план сработал, и тут же выдадут себя.

Император продолжал смотреть на Чэн Яня. Тот всё еще стоял на одном колене, но в его осанке не было ни капли рабства. Даже глядя снизу вверх, он не казался ниже правителя.

— Теперь я хочу знать: почему ты так рьяно защищаешь моего брата? И не вздумай кормить меня своими сказками.

Чэн Янь улыбнулся и отчетливо произнес каждое слово:

— Я всем сердцем люблю цзюньвана. И прошу ваше величество позволить нам вступить в брак.

Император едва не задохнулся от возмущения:

— Что ты сказал?!

Чэн Янь поднялся, небрежно отряхнул пыль с платья и добавил:

— Цзюньван тоже меня любит.

— Да! Брат-император! Я люблю Чэн Яня и хочу на нем жениться!

Голос Чу Вана внезапно донесся из-за дверей. Чэн Янь и государь одновременно обернулись. Маленький цзюньван влетел в залу и с разбегу бросился в объятия лекаря.

Чэн Янь на мгновение опешил. Улыбка сошла с его лица, и он нежно погладил Чу Вана по волосам.

Император смотрел на них уже без всякого дружелюбия. Округлив глаза, он прорычал:

— Ван-эр! Ты хоть понимаешь, что несешь?!

Чу Ван, прятаясь за груди Чэн Яня, поднял голову. Взглянув на императора по-детски невинными глазами, он пролепетал:

— Но брат-император сам говорил: если Ван-эру кто-то понравится, нужно только сказать, и ты сам устроишь свадьбу!

Государь судорожно хватал ртом воздух. С Чу Ваном он ничего не мог поделать, а когда он перевел взгляд на Чэн Яня, тот выглядел вызывающе уверенным в себе и даже не думал выпускать юношу из объятий. В памяти императора тут же всплыло то, как Чу Ван капризно требовал вынести его на руках. В голове у монарха загудело.

Он был так разгневан, что не мог вымолвить ни слова. Чэн Янь теперь казался ему невыносимым. Резко развернувшись, император широким шагом покинул залу.

На этот раз ему не пришлось притворяться: Сын Неба возвращался во дворец, вне себя от ярости.

Когда шаги правителя затихли, Чэн Янь отстранил Чу Вана и спросил, заглядывая ему в глаза:

— И как долго ты подслушивал под дверью?

Чу Ван мгновенно отбросил маску невинного ребенка. Он поджал губы, и в его взгляде промелькнула глубокая печаль.

— Я слышал всё. До последнего слова.

<http://bllate.org/book/15870/1439053>